

Анатомия промышленного спада

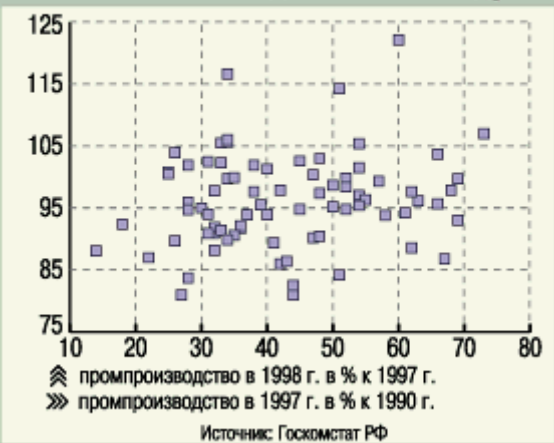
Расчеты Михаила Дмитриева свидетельствуют не о нездоровом характере послеавгустовского экономического роста, а о нездоровой макроэкономической политике в докризисный

период

Владимир Попов (профессор Высшей школы международного бизнеса Академии народного хозяйства)

Выводы Михаила Дмитриева о положительной связи динамики промышленного производства в региональном разрезе с такими показателями, как задолженность по налогам, банковским кредитам и зарплате, субсидии из бюджета, темпы инфляции, крайне интересны и, возможно, проливают дополнительный свет на природу прошлогоднего экономического спада. Но в трактовке г-на Дмитриева наличие такой положительной зависимости свидетельствует о нездоровой природе начавшегося после сентября 1998 года экономического роста. Получается, что регионы с более благополучной экономической динамикой поддерживают уровень выпуска за счет госсубсидий и накопления неплатежей. Возможна, однако, и противоположная трактовка полученных результатов. Дело в том, что данные за 1998 год, а именно изменение объема промышленного производства по сравнению с 1997 годом, которыми пользуется Михаил Дмитриев, отражают главным образом не рост производства после августовского валютного кризиса, а падение объема выпуска, наблюдавшееся с начала 1998 года и до сентября. Прошлогодний промышленный обвал произошел до валютного кризиса, а не после него, как в странах Юго-Восточной Азии: производство падало с начала 1998 года до сентября, а затем стало расти, причем не менее быстро, чем падало (см. график 1). Фактически экономический кризис был искусственно сфабрикован политикой поддержания завышенного курса рубля, который вконец подорвал конкурентоспособность отечественных производителей. Последние оказались зажатыми между Сциллой смещения спроса в сторону импортных товаров и Харибдой жесткой монетарной политики, усугубившей нехватку

Спад производства в регионах России в 1990—1997 годах и в 1998 году

спроса. Падение производства в 1998 году, таким образом, было по своей природе не структурным (как в 1989-1996 годах), а тривиальным кейнсианским кризисом, порожденным нехваткой эффективного спроса. Интересно, что масштабы спада по регионам в 1998 году практически не зависят от глубины падения промышленного производства в

предшествующие семь лет. Прошлогоднее падение выпуска поразило большинство регионов - и относительно благополучные, и кризисные (см. график 2).

При такой интерпретации все встает на свои места.

Производство упало меньше или даже выросло в тех регионах, где оно поддерживалось с помощью государственных субсидий и накопления задолженности. Печально, но факт: в 1998 году, до августовского валютного кризиса, предприятиям и региональным властям, чтобы отреагировать на сжатие спроса, приходилось выбирать из двух зол - либо сворачивать выпуск, либо поддерживать производство, выбивая субсидии и накапливая неплатежи бюджету, банкам и своим рабочим. Расчеты Михаила Дмитриева свидетельствуют, таким образом, не о не здоровом характере послеавгустовского экономического роста, а о нездоровой - слишком жесткой - макроэкономической политике в докризисный период.

После августа 1998 года, точнее, с сентября, когда вновь заработала платежная система, спросовые ограничения были преодолены, и рост производства как в региональном, так и в национальном масштабе стал сопровождаться снижением неплатежей. Это нормально, так в принципе и должно быть, так было и раньше, до 1998 года, когда не было искусственно сфабрикованной нехватки спроса. Так что рост, начавшийся с сентября 1998 года, с этой точки зрения как раз вполне здоровый, нездоровым был именно спад 1998 года.

© Эксперт, #28 от 26.07.1999

